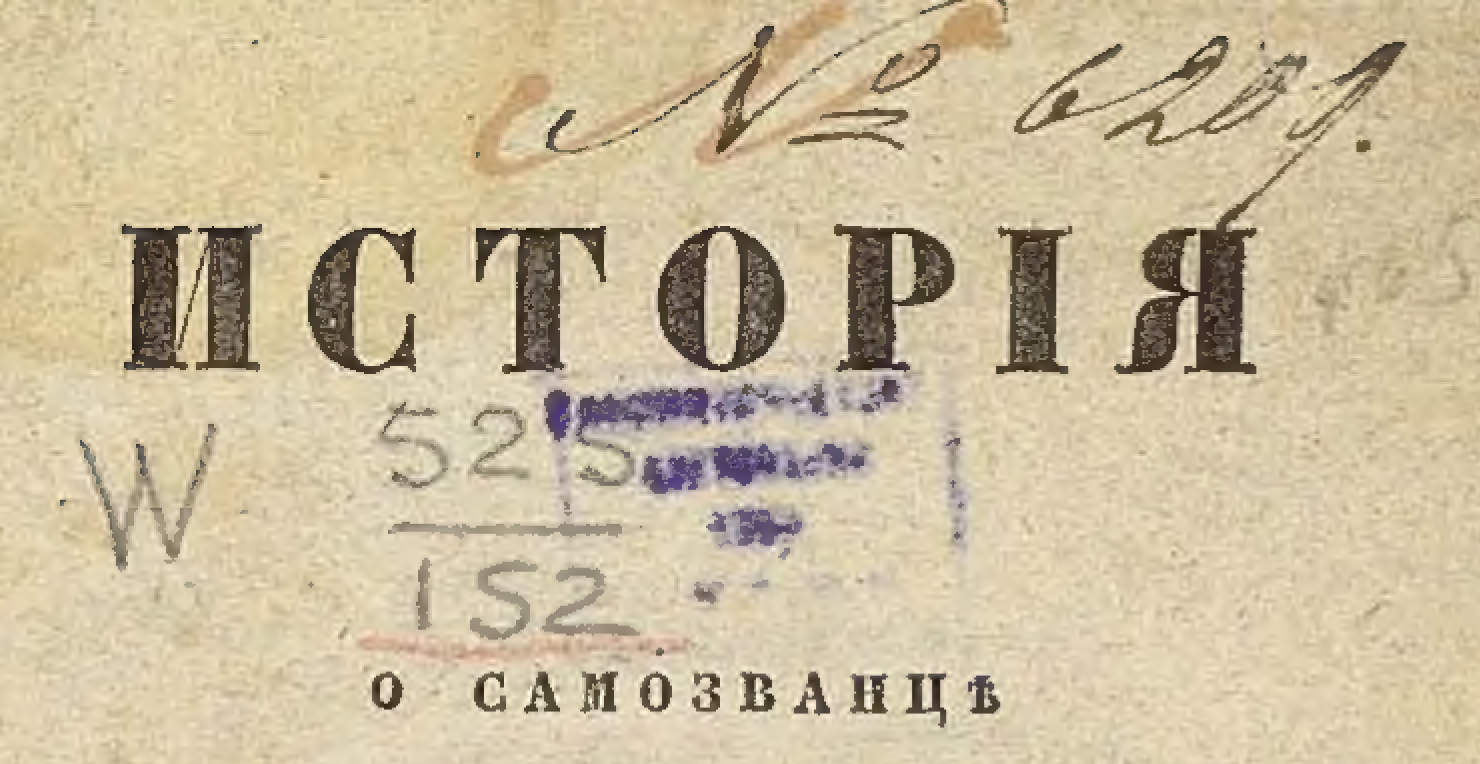

ИСТОРІЯ

О САМОЗВАНЦѢ

Гришкѣ Отрепьевѣ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ЕВРЕИНОВА.

1842.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва Іюня 24 дня, 1841 года.

Ценсоръ *И. Крыловъ.*

Ничего такъ не утверждаетъ благоденствія народнаго, какъ праведное и небомъ благословенное возшествіе на престолъ монарха, какъ добрыя качества его сердца и довѣренность его къ подданнымъ, обоюдно скрѣпляющая ихъ прочнымъ союзомъ любви. Всѣ похитители престоловъ бываютъ несчастны, сперва въ своей совѣсти, потомъ въ безпокойныхъ подозрѣніяхъ и въ недо-

вѣрчивости къ народу, въ борьбѣ съ партіями вельможъ, съ ропотомъ народнымъ; а наконецъ мятежи и бунты, возникающіе противъ ихъ, какъ беззаконныхъ присвоителей власти верховной, довершаютъ злополучіе этихъ властолюбцевъ.

Годуновъ, какъ не защищалъ себя отъ непріязненныхъ чувствованій народа своими вымыслами о самоубійствѣ Димитрія, какъ ни лицемѣрилъ неоднократнымъ отверженіемъ отъ себя власти царской, какъ ни привлекалъ къ себѣ подданныхъ льготами, милостями и наградами, но бывъ недовѣрчивъ, подозрителенъ, иногда слишкомъ явно обнаруживалъ свой характеръ; народъ не любилъ его, и Годуновъ, зная о томъ, дѣлалъ, по одной ложной клеветѣ, по одному мнимому подозрѣнію, много несчастныхъ. Царственныя надежды обманули его: онъ не наслаждался спо-

койствіемъ душевнымъ; престолъ небылъ для него тѣмъ священнымъ убѣжищемъ, куда не досягаютъ стрѣлы злобы народной; напротивъ онъ боролся съ своею совѣстію, съ ропотомъ оскорбленнаго народа, и съ карами Провидѣнія, которое проявляло ихъ въ ужасномъ голодѣ, въ мятежахъ и въ смертности его подданныхъ. Но вотъ, Оно клеймитъ его уже позоромъ явнымъ, наказываетъ за невинно-пролитую кровь царственнаго младенца, прямо отмщаетъ ему за неправедное обладаніе престоломъ. Является самозванецъ,—твореніе хитрой политики Папской, блестящая надежда не дружелюбной къ намъ Польши, чудовище, порожденное тогдашними обстоятельствами нерасположенной къ Борису Россіи. Это феноменъ, но феноменъ ужасный, небывалый въ лѣтописяхъ исторіи; это фениксъ, возникнувшій изъ праха, и мгновенно

ослѣпившій своимъ появленіемъ милліоны народовъ; это метеоръ, погаснувшій съ смраднымъ запахомъ, столь отвратительнымъ для сердца Русскаго.

Не понятно какъ въ головѣ простаго монаха могла родиться гигантская, необъятная мысль—завладѣть престоломъ, усвоить себѣ царскія почести, славу, ослѣпить народъ, какъ достало духу и воли, увѣрить его въ истинѣ своего сана, обмануть такъ жестоко еще свѣжую память современниковъ о смерти Димитрія.—Все это недоступно воли человѣческой, а есть слѣдъ перста Божьяго, карающаго беззаконныхъ похитителей власти верьховной.

Галичанинъ Отрепьевъ, сынъ умершаго боярина, не зная какое занятіе избрать въ жизни, куда приклонить одинокою голову, рѣшился постричься въ монахи. Первымъ пристанищемъ его отшельничества былъ Спасо-Ефимьев-

ской монастырь въ Суздалѣ.—Рожденный съ пылкимъ, безпокойнымъ умомъ, онъ перешелъ въ обитель Галицкую Іоанна Предтечи, а потомъ и въ другіе монастыри. Наконецъ поселился въ Чудовомъ монастырѣ у родственника своего Замятина Отрепьева.—Здѣсь онъ занимался духовными сочиненіями, и по набожности своей умѣлъ войти въ милость къ Потріарху Іову. Бывши съ Іовомъ во дворцѣ, плѣняясь великолѣпіемъ и пышностію, онъ переселялся въ міръ фантазій, мечталъ, воспламенялся, и наконецъ, ободренный какимъ то инокомъ, задумалъ дивную попытку—сдѣлаться царемъ; къ томуже исторія о убіеніи Димитрія Царевича, сходство его съ нимъ, сулили блистательный успѣхъ обольстившимъ его надеждамъ. Эта мысль, возникшая въ смѣломъ умѣ Отрепьева, дошла до ушей Годунова, и онъ хотѣлъ обуздать дерзкаго мечтате-

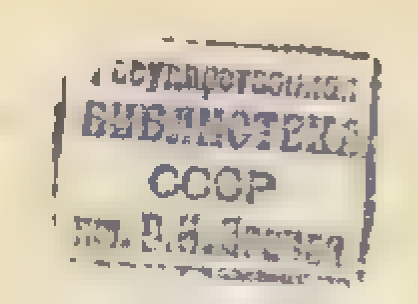
ля. Но Огрепьевъ, провѣдавъ о томъ, съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей, оставилъ Чудовскую обитель. Это преслѣдованіе еще болѣе утвердило его рѣшительность на осуществленіе своей мечты. Онъ былъ въ Кіевѣ, и въ тамошнемъ Спаскомъ монастырѣ оставилъ записку Архимандриту, что онъ истинный сынъ Іоанна, и что оказанное ему гостепріимство забыто не будетъ, когда сядетъ онъ на престолъ своихъ предковъ. Добрый Архимандритъ дивился и молчалъ.—Потомъ Григорій, бывши у Донскихъ Козаковъ, выучился верьховой ѣздѣ, владѣть мечемъ, и перенялъ всѣ военные пріемы, что много способствовало къ развитію гибкости и ловкости въ его тѣлодвиженіяхъ.—Послѣ сихъ странствованій, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ ѣхать въ Польшу, которая издавна лелѣяла у себя Русскихъ измѣнниковъ. Въ ней то Огрепь-

евъ совлекъ съ себя иноческую одежду и поступилъ въ службу къ Князю Вишневецкому. Для исполненія своего гигантскаго замысла—завоевать престолъ Мономаховъ, онъ прибѣгнулъ къ обману, вѣрному средству, достойному коварной души его. Онъ написалъ ложную исторію своей жизни, или лучше, вымыселъ о чудесномъ спасеніи Димитрія отъ убійственной руки Годунова; притворился при смерти больнымъ, призвалъ къ себѣ духовника и показывая видъ чистосердечнаго признанія, объявилъ ему, что онъ истинный сынъ Іоанна, такъ чудно спасенный Провидѣніемъ отъ тайныхъ убійцъ, подосланныхъ Годуновымъ. Въ удостовѣреніе этого, поручилъ ему по смерти, своей, взять исторію его жизни, показалъ золотой крестъ, данный ему при крещеніи Княземъ Мстиславскимъ; просилъ похоронить его, какъ слѣдуетъ царскаго сына.—Духовникъ

тотчасъ передалъ все Князю Вишневецкому. Изумленный дивнымъ открытіемъ, Вишневецкій перевелъ живпаго въ домѣ его Отрепьева въ лучшія покои, опредѣлилъ его содержаніе, приличное наслѣднику престола, употребилъ всѣ средства къ его выздоровленію, и самозванецъ только притворявшійся больнымъ, разумѣется, въ скоромъ времени почувствовалъ совершенное облегченіе отъ болѣзни.

На Краковскомъ сеймѣ, Вишневецкій представилъ самозванца Королю Сигизмунду, который сначала колебался вѣрить этой странной новости, но убѣдительный видъ Отрепьева, свидѣтельство нѣкоторыхъ земляковъ,—золотой крестъ на немъ, предстательство за него нѣкоторыхъ вельможъ Польскихъ и Іезуитовъ — все это вмѣстѣ взяло верьхъ надъ сомнѣніями Короля.—Онъ облас-

калъ его и сказалъ: да поможетъ тебѣ Господь Богъ, Царь Московской Димитрій; назначилъ ему жалованья ежегодно 40,000 злотыхъ и позволилъ воспользоваться вспоможеніемъ вельможъ для исполненія праваго дѣла.— Папской нунцій Рагони и Iезуиты больше всѣхъ способствовали къ склоненію Короля къ пользамъ самозванца; они высчитывали всѣ выгоды, какія можетъ получить Польша отъ обязаннаго ей покровительствомъ, Московскаго Государя. Склонивъ Лжедимитрія къ правиламъ Латинской Церкви, они предвидѣли уже владычество свое въ Россіи и покорность ея Папѣ; эта цѣль возбуждала всю дѣятельность Iезуитовъ сверхъ того они внушили Сигизмунду, что Россія небудетъ уже тогда страшною соперницею Польши, подданницею, обязанная ей дарованіемъ законнаго государя.

Обрадованный нечаяннымъ успѣхомъ своего ужаснаго замысла, Отрепьевъ хотѣлъ еще болѣе сблизиться съ Польшею, онъ обратилъ виды на дочь воеводы Сендомирскаго, Марину. Обольщенная мечтою быть Царицею Московскою, увлеченная ласками самозванца, она рѣшилась отдать ему руку. Отецъ ея благословилъ союзъ сей, столь много льстившій его честолюбію; но непрежде согласился привести въ исполненіе желаніе Лжедимитрія, какъ по возшествіи его на престолъ.—Лжедимитрій, вслѣдствіе этого, далъ Мнишеку обязательство, что избралъ супругою себѣ дочь его и отлагаетъ бракосочетаніе до воцаренія своего, назначаетъ выдать ей милліонъ злотыхъ; сверхъ того, уступаетъ ей два великія княжества, Новгородское и Псковское, и что введетъ въ Россіи свободное вѣроисповѣданіе Латинской Церкви, которое онъ принялъ самъ.

Не очевидно ли здѣсь кара Господня?—Человѣкъ низкаго происхожденія, изгнанный своимъ отечествомъ, задумываетъ играть судьбою народа, достойнаго славы и величія, отдаетъ его на поруганіе врагамъ, хочетъ подавить въ немъ господствующую вѣру, оплотъ всякаго государства! Но тоже Провидѣніе едва ли попуститъ совершиться вполнѣ всѣмъ этимъ дерзкимъ замысламъ.

Отвратительнѣйшая сволочь, увлеченная обольстительными надеждами на сокровища Московскія, вынужденная крайностію обстоятельствъ, слѣдовать хотя бы наконецъ свѣта, лишь бы не умереть съ голода, сволочь, управляемая корыстолюбіемъ и алчностію, оборванная, полунагая, собралась подъ знамена достойнаго своего предводителя, разстриги—бѣглеца, ополчилась на Святую Русь. Зная ненависть Донскихъ Козаковъ къ Борису, Отрепьевъ вызвалъ ихъ под-

вязаться за святое дѣло, и они изъ отмщенія Годунову за его казни, присягнули Лжедимитрію. Возстаніе самозванца дошло до Годунова. Онъ писалъ къ Сигизмунду объ обманѣ самозванца, и Сигизмундъ, въ отвѣтѣ къ нему, съ лукавствомъ устранялъ себя отъ участія въ семъ дѣлѣ, и относилъ дѣлаемую Лжедимитрію помощь къ мятежникамъ, которые имъ наказываются. Борисъ не тревожился гласно подобными смутами, чтобъ поддержать предъ народомъ твердость своего характера и показать все величіе своего презрѣнія къ безумству самозванца.

Но вотъ ополченіе показалось уже въ Кіевѣ, подъ предводительствомъ Лжедимитрія, Мнишека и другихъ, сопровождаемыхъ Іезуитами. Лжедимитрій на пути своемъ въ Москву требовалъ отъ Россіянъ присяги въ вѣрности, называя себя истиннымъ сыномъ Іоанновымъ,

обѣщая подъ своею державою миръ и счастіе подданнымъ. Народъ, видя его въ блескѣ и величіи, и издревле приверженный къ законнымъ своимъ государямъ, признавалъ его за истиннаго наслѣдника престола. Только въ Новгородѣ—Сѣверскомъ, возмущенномъ бояриномъ Басмановымъ, встрѣтили его съ оружіемъ, и Басмановъ явно называлъ его разстригою; зато въ Путивлѣ приняли его съ покорностію Князь Рубецъ-Мосальскій и Окольничій Салтыковъ. Самозванецъ болѣе и болѣе усиливался казною и народомъ, стекавшимся къ нему со всѣхъ сторонъ. Борисъ упадалъ духомъ, не хотѣлъ лично предводительствовать войсками противъ самозванца; робость злодѣянія, эта неразлучная спутница преступной совѣсти, удерживала его волю. Онъ чувствовалъ, что кара Провидѣнія справедливо надъ нимъ совершается, зналъ ненависть къ

себѣ подданныхъ и терялся въ смутѣ обстоятельствъ.

Казалось бы, трудно было народу повѣрить столь чудному спасенію Димитрія, котораго крововая тѣнь еще не могла истребиться изъ его памяти. Но люди, которые изъ двухъ золъ для нихъ лучше: повиноваться ли хитрому и жестокому Борису, или отдаться самозванцу, обѣщавшему столь много надежды на счастіе.

Не смотря на то, что Шуйской громогласно опровергалъ сказку Лжедимитрія, посылая объ этомъ во всѣ концы Россіи увѣщательныя грамоты, подтвержденныя Патріархомъ. Народъ колебался: ибо невѣрилъ, или лучше нелюбилъ Шуйскаго, который прежде такъ безсовѣстно обманулъ его вѣстію о самоубійствѣ Царевича, изъ раболѣбства Годунову. Между тѣмъ разсказы о доблестяхъ Димитрія и повѣсть о чудес-

номъ его спасенія воспламеняли сердца всѣхъ и возносили умы до идеи о всемогуществѣ Божіемъ, ниспосылающемъ Россіи царя истиннаго.

Годуновъ принялъ наконецъ мѣры. По его повѣленію, пѣли вѣчную память Димитрію и провозглашали проклятіе самозванцу. Это нѣсколько потушило волненіе народное. Самозванецъ, вышедши изъ Новгорода, встрѣтилъ Русскую дружину, но она отступила предъ нимъ. Подъ Сѣвскомъ онъ былъ разбитъ: это подало надежду Годунову. Самозванецъ же не терялъ бодрости духа. Хитростію и пронырствомъ онъ усиливался снова, а Годуновъ ослабѣвалъ духомъ, ибо видѣлъ надъ собою явное наказаніе Божіе. Эти мученія совѣсти, и денно и нощно терзавшія его, эти волненія народныя ускорили его кончину, послѣдовавшую неожиданно 13 Апрѣля 1605 года.

По смерти Бориса Россія не присягнула въ вѣрно-подданствѣ сыну его Ѳеодору, подававшему по уму, сердцу и воспитанію своему блистательныя надежды для блага Россіи. Главнымъ воеводой избрали Басманова, но Басмановъ измѣнилъ царю и отечеству, предавшись Годунову, и примѣромъ своимъ увлекъ Князей Голицыныхъ и Салтыкова. 9 Маія 1606 года Басмановъ объявилъ Лжедимитрія Царемъ Московскимъ, и Князь Иванъ Голицынъ, отъ имени всего войска, преклонилъ предъ нимъ колѣна.

Самозванецъ изъ Путивля тронулся къ Москвѣ. На пути представляли ему въ оковахъ не хотѣвшихъ ему повиноваться, и вездѣ встрѣчали его съ царскими почестями. Въ ожиданіи Царя, въ Москвѣ на площадяхъ толпился народъ, толковалъ и слушалъ новыя вѣсти,—сомнѣвался, былъ въ какомъ то

оцѣпѣненіи, вѣрилъ и не вѣрилъ.— Разстрига писалъ къ Московскимъ воеводамъ грамоты, посылалъ вѣрныхъ клевретовъ своихъ склонять жителей на свою сторону. Духовные и свѣтскіе саковники не могли уже остановить общаго волненія умовъ, настроенныхъ къ принятію Лжедимитрія и почитавшихъ его истиннымъ царемъ земли Русской. Мятежники силою свергнули Θеодора съ престола, родственниковъ его и ближнихъ заключили въ темницы и имущества ихъ разграбили.—Патріарха Іова извлекли изъ храма, гдѣ совершалъ онъ литургію, и наругавшись надъ нимъ, заключили въ монастырь. Вскорѣ потомъ Θеодора и вдовствующую Царицу, удавили, а Ксенію какъ красавицу, сберегли для разстриги.

3 Іюня выѣхали на встрѣчу Самозванца вельможи, а 20 числа самозванецъ съ великолѣпіемъ и пышностію

вступилъ въ Столицу, сопровождаемый войскомъ, окруженный Боярами и духовенствомъ. Народъ падалъ предъ нимъ съ радостными восклицаніями и молился за него. Но первое неудовольствіе народа вспыхнуло на него, когда онъ сталъ прикладываться къ иконамъ, и въ это время играла Польская музыка.—При проѣздѣ его живымъ мостомъ поднялась сильная буря и пыль остановила его шествіе; это явленіе приписали худому предзнаменованію. Не понравилось Русскимъ и то, что Димитрій ввелъ въ Успенской Соборъ иновѣрцевъ. Въ церкви Архистратига Михаила, надъ гробомъ Іоанна, произнесъ онъ со слезами: «о любезной родитель мой! ты «оставилъ меня въ сиротствѣ и гоне«ніи, но святыми твоими молитвами я «цѣлъ и державствую.» Эти слова, эти слезы убѣдили народъ, что Димитрій былъ истинный сынъ Іоанновъ.

На лобномъ мѣстѣ, Бѣльской, цѣлуя образъ Николая Чудотворца, поклялся гражданамъ, что новый Государь есть истинный Димитрій, и народъ провозгласилъ многія лѣта.

Потомъ былъ пиръ разгульный и радостный. Лжедимитрій простилъ Нагихъ, заточенныхъ Борисомъ и многихъ другихъ. Инока Филарета возвелъ въ санъ Митрополита Ростовскаго. Утѣшалъ несчастныхъ, сыпалъ милости, слагалъ налоги, наказывалъ неправосудіе, и самъ лично принималъ просьбы. Къ вящщему утвержденію его на престолѣ, недоставало только свидѣтельства Царицы, Инокини, Матери Димитрія. Вызвавъ ее съ дворомъ своимъ 18 Маія онъ встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ; поговоривъ съ нею наединѣ, они потомъ въ виду народа нѣжно обнялись и заплакали, народъ былъ приведенъ симъ зрѣлищемъ въ восторге и умиленіе.

21 Іюня Лжедимитрій былъ вѣнчанъ на Царство. Но гнусный лицемѣръ и бродяга, онъ не могъ загаить въ душѣ порочныхъ склонностей и привычекъ, недостойныхъ обладателя великаго Русскаго Царства. Возвеличенный и прославленный, онъ, пріявъ державную власть, сталъ съ презрѣніемъ обходиться съ вельможами, смѣяться надъ ихъ образомъ жизни; укорять ихъ въ невѣжествѣ, поступалъ во преки обычаевъ Русскихъ, освященныхъ древностію, предавался разврату, и Ксенію, дочь Годунова, сбереженную для жизни съ цѣлію, взялъ къ себѣ въ наложницы. Таковое поведеніе его настроило умы къ негодованію; начались толки, намеки на его самозванство. Одинъ инокъ объявилъ, что онъ знаетъ его съ дѣтства, воспитывался и жилъ съ нимъ вмѣстѣ. Потомъ Шуйской, самъ же въ минуты общаго смятенія признавшій его истин-

нымъ Димитріемъ, старался направить умы противъ самозванца, поддерживалъ всѣ сіи слухи, разглашалъ подъ рукою, что онъ разстрига, и такимъ образомъ собиралъ надъ нимъ жестокую бурю. Но Басмановъ донесъ объ этомъ самозванцу, и Шуйскаго осудили на смерть. Когда палачь, въ виду всѣхъ Москвитянъ, готовъ уже былъ лишить его жизни, въ ту минуту гонецъ отъ Царя прискакалъ съ вѣстью о прощеніи. Но въ это же время нѣкоторые Галичине, бывшіе свидѣтелемъ убіенія Царевича, громогласно объявили обманъ Лжедимитрія. Ихъ заточили въ ссылку, иноковъ Чудова монастыря ссылали въ дальные города, какъ ненавистныхъ свидѣтелей бывшаго ничтожества вѣнчаннаго бродяги.—Удаливъ отъ себя всѣ опасенія, не слыша болѣе волненій въ народѣ, и освоившись съ царскою жизнію Лжедимитрій отправилъ въ Польшу посольство за

невѣстою Мариною Мнишекъ и д... ключенія союза съ королемъ Сига... домъ. Между тѣмъ, уносимый ... тельствомъ новаго двора своего, въ надеждѣ на блистательную будущность, не опасаясь уже никакой измѣны; Отрепьевъ возвратилъ изъ ссылки Шуйскаго, давъ ему прежнее богатство и знатность. Но Шуйской не могъ забыть плахи и пытокъ. Онъ снова разсѣвалъ въ народѣ мысли о возстаніи противъ похитителя престола, и народъ оскорбленный уже попраніемъ древнихъ обычаевъ и не уваженіемъ къ Святынѣ готовъ былъ вспыхнуть мятежемъ. Самозванецъ самъ себѣ подготовлялъ гибель, вооружая противъ себя подданныхъ. Стали подозрѣвать его въ намѣреніи ввести въ Россіи свободное исповѣданіе Римскокатолической вѣры, и подчинить Польшѣ нѣкоторую часть Россіи.

26-го Апрѣля Минишехъ пріѣхалъ въ [illegible]у, а 1-го Мая, Лжедимитрій, подъ Москвою со всѣмъ великолѣпіемъ встрѣтилъ Марину. Въ самой же столицѣ, вышла на встрѣчу невѣстѣ, Царица Инокина у Вознесенскаго монастыря, въ Москвѣ. И здѣсь народу Русскому непонравились многое въ поведеніи Ляховъ. Марина жила въ монастырѣ, Димитрій видался съ нею ежечасно, собиралъ вокругъ нее музыку, пѣсни и пляски.—Такимъ образомъ святыня осквернилась мірскими соблазнами. Москвитяне смотрѣли на это съ ужасомъ. 8-го Мая, наканунѣ праздника, вопреки уставамъ нашей церкви, совершилось пышное великолѣпное бракосочетаніе Марины съ Димитріемъ. Народъ ждалъ что Марина съ титуломъ Русской Царицы, приметъ и вѣру Русскую, но она ни мало не готовилась къ сему священному долгу, между тѣмъ, какъ

принимала Св. Дары и прикладывалась къ иконамъ. Народъ негодовалъ, видѣлъ въ этомъ кощунство и ужасный обманъ. Начались Царскіе пиры. Поляки безчинствовали, обижали Русскихъ; смѣялись надъ ихъ обыкновеніями, — но этаго мало, на улицахъ рубили Москвитянъ, безчестили женъ и дочерей.—

Въ совѣтѣ Шуйскаго созванномъ ночью, назначенъ былъ день и часъ чтобы положить конецъ за блужденію, свергнуть самозванца съ престола и очистить Россію отъ Поляковъ. 12-го Мая уже явно закипѣло народное возстаніе; но Лжедимитрій казался спокойнымъ, боясь уронить себя передъ Поляками. 17-го Мая ударили въ колокола, Москвитяне толпами собралися уже на красную площадь, князь Шуйскій, съ мечемъ въ рукахъ и съ крестомъ, въѣхалъ въ кремль, приложился къ Святымъ иконамъ и воскликнулъ къ народу: «во

Имя Божіе, идите на злаго еретика!» Съ крикомъ понеслись ко дворцу толпы народа, гдѣ Димитрій только что пробудился отъ сладкаго сна съ молодою супругой. Толпа ворвалась во дворецъ. Тщетно Басмановъ утишалъ пламя мятежа; онъ самъ палъ отъ руки Татищева. Испуганный самозванецъ, въ отчаяніи и въ безпамятствѣ выбросился изъ окошко. Еще живаго, окружили его преданные ему и не выдавали разъяренному народу. Тогда прибѣгнули къ послѣднему средству его спасенія,—потребовали свидѣтельство его матери. Царица Инокиня отреклась отъ него, и онъ испустилъ духъ подъ выстрѣлами Воейкова и Валуева. Ожесточенный народъ разтерзалъ трупъ его по клочкамъ; но Марину не тронули и даже для охраненія ея жизни, приставили къ ней стражу. За то народъ Русской покупался въ крови Польскихъ гостей.

Такъ въ лицѣ самозванца тѣнь убіеннаго Димитрія отмстила похитителю престола его — Годунову, и Россіяне познали чрезъ то, что только единодушіе, покорность и преданность вѣнценосцамъ даруютъ народамъ благоденствіе и счастіе. —

КОНЕЦЪ.

